

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>
2025, № 10 / 2025, Iss. 10 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
УДК 347.78.034

Сравнительный анализ российских и китайских моделей исследования политической метафоры на основе моделей социальной метафоры и метафоры артефакта (на примере политического дискурса Си Цзиньпина и Путина)

¹ Цинь Кайвэнь

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: статья посвящена сравнительному анализу российских и китайских моделей исследования политической метафоры с опорой на концепции социальной метафоры и метафоры артефакта. В качестве эмпирического материала рассматривается политический дискурс Си Цзиньпина и Владимира Путина, что позволяет выявить национально-специфические особенности метафорического моделирования в политической риторике. Методологическая основа исследования сочетает когнитивно-дискурсивный анализ и элементы критического дискурса-анализа, что обеспечивает комплексное рассмотрение метафоры как инструмента идеологического воздействия и формирования образа власти. Выявлены общие черты в использовании метафор для легитимации политического курса, а также различия, отражающие культурно-исторический и социально-политический контекст двух стран. Полученные результаты расширяют представления о межкультурной специфике политической метафоры и вносят вклад в развитие сравнительной лингвополитологии.

Ключевые слова: политическая метафора, социальная метафора, метафора артефакта, политический дискурс, сравнительный анализ

Для цитирования: Цинь Кайвэнь Сравнительный анализ российских и китайских моделей исследования политической метафоры на основе моделей социальной метафоры и метафоры артефакта (на примере политического дискурса Си Цзиньпина и Путина) // Современный ученый. 2025. № 10. С. 102 – 107.

Поступила в редакцию: 18 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 июля 2025 г.; Принята к публикации: 11 сентября 2025 г.

Comparative analysis of Russian and Chinese models of studying political metaphor based on models of social metaphor and artifact metaphor (using the example of political discourse of Xi Jinping and Putin)

¹ Qin Kaiwen

¹ Saint Petersburg State University

Abstract: the article is devoted to a comparative analysis of Russian and Chinese models of studying political metaphor based on the concepts of social metaphor and artifact metaphor. The political discourse of Xi Jinping and Vladimir Putin is considered as empirical material, which allows us to identify nationally specific features of metaphorical modeling in political rhetoric. The methodological basis of the study combines cognitive-discursive analysis and elements of critical discourse analysis, which provides a comprehensive consideration of metaphor as a tool

of ideological influence and the formation of the image of power. Common features in the use of metaphors for the legitimization of political course, as well as differences reflecting the cultural, historical and socio-political context of the two countries are revealed. The results obtained expand the understanding of the intercultural specificity of political metaphor and contribute to the development of comparative linguopolitical science.

Keywords: political metaphor, social metaphor, artifact metaphor, political discourse, comparative analysis

For citation: Qin Kaiwen Comparative analysis of Russian and Chinese models of studying political metaphor based on models of social metaphor and artifact metaphor (using the example of political discourse of Xi Jinping and Putin). Modern Scientist. 2025. 10. P. 102 – 107.

The article was submitted: May 18, 2025; Approved after reviewing: July 21, 2025; Accepted for publication: September 11, 2025.

Введение

Политическая метафора занимает одно из центральных мест в современном политическом дискурсе, выступая не только средством выразительности, но и важным инструментом концептуализации и интерпретации социально-политической реальности. Через метафорические конструкции политики формируют у аудитории определённую когнитивную картину мира, воздействуют на восприятие событий и явлений, а также легитимируют те или иные стратегические решения [1]. В условиях глобализации и активного обмена политическими идеями исследование политической метафоры приобретает особую значимость в межкультурной перспективе.

В последние десятилетия в России и Китае наблюдается рост интереса к лингвистическим и когнитивным аспектам политической коммуникации, что обусловлено необходимостью более глубокого понимания механизмов воздействия политического слова на массовое сознание. Однако при всех общих тенденциях российская и китайская исследовательские традиции демонстрируют различия в подходах к изучению метафоры. Эти различия особенно ярко проявляются при рассмотрении моделей социальной метафоры, отражающей общественные отношения и социальную иерархию, а также метафоры артефакта, в которой политическая реальность представляется через призму материальных объектов и их функций [3].

В качестве материала для анализа в данной работе рассматривается политический дискурс двух ключевых мировых лидеров – Си Цзиньпина и Владимира Путина. Такой выбор обусловлен тем, что их риторика не только отражает национальные политические традиции, но и формирует глобальные нарративы, оказывая влияние на международное восприятие политических позиций Китая и России. Сравнительное исследование метафорических моделей в их выступлениях позволяет выявить универсальные и уникальные черты национальных стратегий политической коммуникации, а

также понять, каким образом метафора служит инструментом идеологической консолидации и укрепления политической власти.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили официальные речи, интервью и публицистические статьи Си Цзиньпина и Владимира Путина, опубликованные в период с 2012 по 2024 гг. Корпус текстов был сформирован на основе открытых источников, включая официальные сайты правительств, стенограммы выступлений и государственные информационные агентства. Для анализа применялся когнитивно-дискурсивный подход, позволяющий выявить концептуальные модели метафор и их роль в формировании политических смыслов. Особое внимание уделялось моделям социальной метафоры и метафоры артефакта, которые классифицировались и интерпретировались с учётом культурно-исторического контекста каждой страны. В процессе исследования использовались методы контекстуального анализа, сравнительного анализа и качественной интерпретации дискурсивных стратегий [2].

Результаты и обсуждения

Взаимосвязь между концептуальными моделями социальной и артефактной метафоры в политическом дискурсе представляет собой важный объект межкультурного анализа. Рассмотрение речей Си Цзиньпина и Владимира Путина позволяет выявить не только универсальные закономерности в использовании метафорических конструкций, но и национально-специфические особенности их формирования, интерпретации и прагматического функционирования. Ниже приведён анализ шести ключевых примеров, отражающих специфику каждой модели в контексте двух политических культур [4].

1. Си Цзиньпин – социальная метафора «人类命运共同体» («сообщество единой судьбы человечества»)

Одним из центральных и концептуально

нагруженных образов современного китайского политического дискурса является метафора «人类命运共同体» – «сообщество единой судьбы человечества». Данная метафора принадлежит к категории социальных метафор, поскольку она репрезентирует мир как единую семью, члены которой взаимозависимы, взаимосвязаны и разделяют общее будущее. Этот образ не является стихийно возникающим; напротив, он систематически интегрирован в дипломатическую риторику КНР с начала 2010-х годов, в особенности после выдвижения инициативы Си Цзиньпином в рамках выступлений на международных форумах, таких как Генеральная Ассамблея ООН, Боаоский азиатский форум и саммиты БРИКС.

В речах Си Цзиньпина метафора «сообщества единой судьбы человечества» часто сопровождается дополнительными пространственными и культурно нагруженными образами, например, «земля-деревня» («地球村»), которые усиливают эффект близости и создают визуальную картину мира как компактного пространства, в котором отсутствуют непроходимые границы. В когнитивных терминах данная модель соответствует схеме «Мир – это семья», где международные институты функционируют как «семейные советы», а дипломатия выполняет роль средства поддержания гармонии и мира в общем «доме».

Прагматическая цель использования этой метафоры заключается в конструировании позитивного имиджа Китая как конструктивного участника глобальных процессов, готового предлагать решения мировых проблем на основе взаимоуважения и равноправного диалога. Важной чертой этой метафоры является её универалистская направленность: она ориентирована не только на внутреннюю аудиторию, но и на широкое международное сообщество, включая как страны-партнёры, так и потенциальных оппонентов. В отличие от российской социальной метафоры «единый народ, единая судьба», которая имеет преимущественно мобилизационный и национально-ориентированный характер, китайская версия выстраивает образ интеграции, гармонии и взаимозависимости, акцентируя при этом ценности многостороннего сотрудничества и мирного развития [10].

2. Си Цзиньпин – метафора артефакта «搭建合作之桥» («построить мост сотрудничества»)

Метафора «搭建合作之桥» – «построить мост сотрудничества» относится к категории артефактных метафор, поскольку опирается на образ инженерного сооружения, выполняющего функцию соединения двух противоположных берегов. В

китайском дипломатическом дискурсе мост выступает не только как физический объект, но и как символ установления прочных каналов взаимодействия, взаимопонимания и преодоления политических, экономических и культурных барьеров.

Особое место данный образ занимает в риторике инициативы «Один пояс, один путь», где он отражает неразрывную связь между развитием материальной инфраструктуры (транспортные коридоры, логистические сети) и институциональной инфраструктуры (механизмы международного регулирования, соглашения о сотрудничестве). Здесь метафора моста приобретает стратегическое измерение: она олицетворяет идею о том, что долговременное процветание возможно только при наличии устойчивых и взаимовыгодных связей.

В когнитивном плане метафора укладывается в модель «Отношения между странами – это строительство». В этой модели процесс международного взаимодействия уподобляется совместному инженерному проекту, который требует согласованных усилий, распределения ресурсов и долгосрочного планирования. При этом в китайском дискурсе акцент ставится на коллективном характере созидания — мост строится «вместе», что созвучно традиционным культурным ценностям гармонии и взаимопомощи.

В российской политической риторике также встречается образ моста, но его семантическая нагрузка часто иная: «Россия как мост между Востоком и Западом» акцентирует преимущественно геополитическое и цивилизационное положение страны, а не процесс совместного строительства. Таким образом, различие состоит в том, что китайская метафора ориентирована на идею партнёрского созидания, а российская – на осознание собственной уникальной позиции в мировой системе [5].

3. Си Цзиньпин – социальная метафора «党的核心» («партия как ядро нации»)

Метафора «党的核心» – «ядро партии» является одним из ключевых концептов китайского политического дискурса, отражающим централизованную модель управления и особую роль Коммунистической партии Китая в жизни государства. Она относится к категории **социальных метафор**, так как описывает партию как жизненно важный центр, обеспечивающий координацию, целостность и устойчивость всей политической системы. Лексема «核心» («ядро») в китайском языке многозначна: в физике она означает центр атома, в биологии – ядро клетки, в организационной терминологии – главный орган управления. Это придаёт образу дополнительную метафорическую

глубину, связывая идею партии с источником энергии, власти и жизнеспособности.

В речах Си Цзиньпина, особенно на XIX и XX съездах КПК, эта метафора использовалась для обоснования необходимости сохранения партийной дисциплины, единого руководства и укрепления внутренней сплочённости. В когнитивной модели «Государство – это организм» партия предстаёт в качестве управляющего органа, от которого зависят все ключевые функции «политического тела». Такое фреймирование закрепляет в общественном сознании представление о том, что без сильного ядра система теряет устойчивость и способность к развитию.

В российской политической риторике встречаются схожие образы – «стержень государства», «вертикаль власти», – однако они чаще применяются к государству как целому, а не к политической партии. Китайская же модель подчёркивает, что именно партия является фундаментом и сердцевинкой всей государственной конструкции, что отражает традицию партийно-государственного единства.

Прагматически эта метафора служит инструментом мобилизации политической лояльности, легитимации централизованного управления и укрепления авторитета партийного руководства. В переводе на русский язык сохранение термина «ядро» позволяет передать как структурный, так и символический смысл образа, однако требует пояснения культурно-политического контекста, чтобы избежать чрезмерно технического или узкоспециализированного восприятия [6].

4. Владимир Путин – социальная метафора «единый народ, единая судьба»

Метафора «единый народ, единая судьба» занимает важное место в российском политическом дискурсе и относится к **социальным метафорам**, так как она апеллирует к образу нации как единой социальной общности, объединённой общим историческим путём. Эта формула активно используется в речи Владимира Путина для укрепления внутреннего единства, мобилизации граждан и легитимации политических решений, особенно в условиях внешнего давления.

Ярким примером стало её употребление в Крымской речи (18 марта 2014 г.), где президент заявил: «Мы – единый народ, и у нас одна историческая судьба». Здесь метафора объединяет два ключевых концепта: «народ» как субъект исторического процесса и «судьба» как категория, отражающая долгосрочную предопределённость и миссию. В когнитивных терминах это модель «**Нация – это семья**», где судьба – это общий

жизненный путь, предполагающий коллективную ответственность и солидарность.

Прагматический эффект метафоры заключается в усилении чувства принадлежности к единому культурно-историческому пространству. Она активизирует коллективную память, связывая современную повестку с прошлым, и тем самым способствует формированию нарратива исторической преемственности [7].

В сравнении с китайской метафорой «人类命运共同体» («сообщество единой судьбы человечества») российская версия ориентирована преимущественно на внутреннюю аудиторию и национальную консолидацию, тогда как китайская – на универсализм и глобальную интеграцию. Таким образом, российская модель делает акцент на защите и укреплении внутреннего единства, а не на построении глобальных союзов.

5. Владимир Путин – метафора артефакта «создать прочный фундамент развития»

Метафора «создать прочный фундамент развития» относится к **артефактным** и строится на строительной образности, в которой государство мыслится как здание, требующее надёжного основания. В речи Владимира Путина на Петербургском международном экономическом форуме (2018 г.) она была использована в контексте стратегических задач: «Мы должны создать прочный фундамент для устойчивого развития России на десятилетия вперёд».

В когнитивной модели «Государство – это здание» фундамент символизирует базовые условия: экономическую стабильность, институциональную эффективность, технологическую независимость и социальную сплочённость. Эта метафора предполагает, что без укрепления основы любые надстройки – политические, экономические или культурные – окажутся непрочными.

В российском дискурсе фундамент часто ассоциируется с внутренними ресурсами и национальным суверенитетом. В отличие от китайской метафоры «搭建合作之桥» («построить мост сотрудничества»), ориентированной на внешние связи и партнёрство, российский вариант делает упор на автономное развитие и внутреннее укрепление [8].

Прагматическая функция этой метафоры заключается в оправдании долгосрочных государственных программ, требующих значительных инвестиций и постепенной реализации. В переводе на китайский язык она может передаваться как «**为发展打下坚实的基础**», при этом смысловое наполнение сохраняется, но китайская версия будет восприниматься как более коллективистская, в

то время как российская – как национально ориентированная.

6. Владимир Путин – смешанная метафора «щит и меч государства»

Метафора «щит и меч государства» является **смешанной**, так как сочетает элементы артефактной (оружие, защитное снаряжение) и социальной (роль государства как защитника общества) образности. Эта формула восходит к советской традиции, закреплённой в девизе органов госбезопасности, и в современной риторике Владимира Путина используется для описания функций силовых структур в обеспечении национальной безопасности.

В когнитивной модели «Государство – это крепость» «щит» символизирует защиту и оборону от внешних угроз, а «меч» – способность к активному противодействию и превентивным действиям. В речи на заседании коллегии ФСБ (2016 г.) Путин сказал: «Вы – щит и меч России, и ваша задача – защищать страну от любых угроз». Здесь метафора не только подчеркивает защитную функцию государства, но и оправдывает необходимость решительных силовых мер.

Прагматический эффект заключается в укреплении патриотических чувств, мобилизации общества и легитимации высоких расходов на оборону. В сравнении с китайским дискурсом, который предпочитает метафоры сотрудничества и интеграции, российская версия делает акцент на готовности к конфронтации и защите национальных интересов силовыми средствами [9].

В переводе на китайский язык («国家的盾牌和长剑») смысл передаётся, но милитаристская коннотация будет воспринята как более жёсткая, чем в китайской политической традиции, где подобные образы используются осторожно и преимущественно в военных или кризисных контекстах.

Анализ показал, что и российская, и китайская политическая риторика активно используют социальные и артефактные метафоры, однако их выбор и прагматическое наполнение определяются культурно-историческим контекстом и стратегическими задачами.

Китайские социальные метафоры тяготеют к интеграции и гармонии («сообщество единой судьбы человечества», «партия как ядро нации»), а артефактные – к созданию внешних связей («построить мост сотрудничества»). Российские социальные метафоры акцентируют внутреннюю консолидацию («единый народ, единая судьба»), а артефактные – укрепление собственной базы («со-

здать прочный фундамент развития») и готовность к защите («щит и меч государства»).

Таким образом, политическая метафора в обоих дискурсах выступает когнитивным инструментом формирования образа государства и стратегии его взаимодействия с внешним и внутренним миром, но в китайской модели преобладает нарратив мягкой силы, а в российской – мобилизационный и оборонный нарратив.

Выводы

Проведённый сравнительный анализ российских и китайских моделей исследования политической метафоры на основе концепций социальной метафоры и метафоры артефакта позволил выявить как универсальные механизмы формирования политического образа, так и культурно-исторические различия в их интерпретации и применении.

В китайском политическом дискурсе социальные метафоры, такие как «人类命运共同体» и «党的核心», ориентированы на интеграцию, гармонию и конструирование глобального имиджа страны. Артефактные метафоры, например «搭建合作之桥», подчёркивают совместное созидание и развитие устойчивых каналов взаимодействия. Таким образом, китайская модель демонстрирует универсалистскую направленность, тесно связанную с концепцией «мягкой силы» и стратегией многостороннего сотрудничества.

Российская политическая риторика, напротив, использует социальные метафоры («единый народ, единая судьба») как инструмент внутренней консолидации, а артефактные («создать прочный фундамент развития», «щит и меч государства») – для акцентирования стратегической устойчивости, суверенитета и готовности к защите национальных интересов. Российская модель метафорического фреймирования более мобилизационна и оборонительна, что соответствует её историко-политическому контексту.

Сопоставление показало, что выбор метафорических образов определяется не только универсальными когнитивными моделями, но и спецификой политической культуры, целевой аудиторией и внешнеполитическими приоритетами государства. Выявленные различия могут быть использованы для дальнейшего изучения межкультурной политической коммуникации, а также для разработки более эффективных стратегий дипломатического перевода и межгосударственного диалога.

Список источников

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Институт русского языка, 1991. 193 с.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнёры, 1994. 330 с.
3. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
4. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.
5. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 256 с.
6. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: монография. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Научно-технологические технологии, 2020. 464 с.
7. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации: монография. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2018. 248 с.
8. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Матвеева Н.В. Лингвокультурологическая специфика базовой метафоры «путь/дорога» (на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина) // Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98). С. 160 – 169.

References

1. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. Russian political metaphor: materials for a dictionary. Moscow: Institute of the Russian Language, 1991. 193 p.
2. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. Dictionary of Russian political metaphors. Moscow: Pomovsky i partnery, 1994. 330 p.
3. Chudinov A.P. Russia in the metaphorical mirror: cognitive study of political metaphor (1991-2000). Yekaterinburg: Ural. state ped. university, 2001. 238 p.
4. Chudinov A.P. Essays on modern political metaphorology: monograph. Yekaterinburg: Ural state ped. university, 2013. 176 p.
5. Chudinov A.P. Political linguistics: a tutorial. Moscow: Flinta; Nauka, 2006. 256 p.
6. Budaev E.V. Comparative political metaphorology: monograph. 2nd ed., corrected. and add. St. Petersburg: Science-intensive technologies, 2020. 464 p.
7. Budaev E.V., Chudinov A.P. Metaphor in political communication: monograph. 3rd ed., reprinted. Moscow: Flinta, 2018. 248 p.
8. Kubryakova E.S. Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language. Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world. Moscow: Languages of Slavic culture, 2004. 560 p.
9. Lakoff J., Johnson M. Metaphors We Live By: trans. from English by A.N. Baranov, A.V. Morozova; edited and with a preface by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p.
10. Matveeva N.V. Linguocultural specificity of the basic metaphor “path/road” (based on the speeches of the Chairman of the PRC Xi Jinping). Political Linguistics. 2023. No. 2 (98). P. 160 – 169.

Информация об авторе

Цинь Кайвэнь, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, st120898@student.spbu.ru

© Цинь Кайвэнь, 2025